

ВЕДЬМА ИЗ «ЗАРЕЧНОГО»

Виктория Астафурова

Виктория Астафурова
Ведьма из Заречного

«Автор»

2026

Астафурова В.

Ведьма из Заречного / В. Астафурова — «Автор», 2026

В книге «Ведьма из Заречного» Кристина возвращается в старый дом своего детства, чтобы начать новую жизнь. Она оставляет позади шумную городскую суету и сложные отношения. Дом встречает её тишиной и холодом, но Кристина чувствует, что место хранит тайны и воспоминания. Деревенская проза и уютная атмосфера сочетаются в этой истории, которая погружает читателя в мир, где время течёт по-другому. Книга наполнена ностальгией и тревогой, но также обещает открытия и возможность почувствовать связь с прошлым.

© Астафурова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Виктория Астафурова

Ведьма из Заречного

Глава 1

Воздух в этом забытом богом месте был не просто холодным: он резал лёгкие, словно соткан из мельчайших осколков стекла. Кристина втягивала его короткими, прерывистыми глотками, чувствуя, как каждый вдох обжигает изнутри.

«А в городе смог, вот что действительно вредно», – мелькнула в голове ироничная, горькая мысль.

Она с усилием повернула обледеневшую железную ручку калитки. Та поддавалась нехотя, с надсадным, протяжным визгом, будто протестуя против незваного вторжения. Звук эхом разнёсся по безмолвному пространству, заставив Кристину невольно вздрогнуть.

Под ногами громко хрустел снег, не как привычный городской, серый и утопанный в грязную кашу, а нетронутый, сухой и звонкий. Он искрился тысячами невидимых кристаллов под тусклым, блеклым светом зимнего солнца. Кристина остановилась на мгновение, вглядываясь в эту первозданную белизну. Где-то глубоко внутри шевельнулось странное чувство будто она переступила порог иного мира, где время течёт по-другому.

Тишина вокруг стояла такая плотная и глубокая, что, казалось, ею можно было поперхнуться. Кристина обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь, но не от холода, а от нарастающего волнения.

Вот он. Дом.

Он предстал перед ней не как «родовое гнездо» из сентиментальных романов, а как старый, почерневший от времени и бесчисленных непогод сруб. Окна, словно слепые глаза, смотрели на мир пустыми, замёрзшими зрачками. Краска на ставнях облупилась клочьями, открывая древесину, изъеденную временем. Кое-где проседала крыша, будто сгибаясь под тяжестью лет и снежных шапок.

Кристина медленно подошла ближе, всматриваясь в знакомые до боли очертания. В детстве этот дом казался ей огромным, полным тайн и чудес. Теперь же он выглядел усталым, но в этой угрюмой стойкости, в том, как он пережил ещё одну долгую зиму, чувствовалась непоколебимая, первобытная мощь.

Её пальцы, затянутые в перчатку, коснулись шершавой поверхности бревна. Дерево было ледяным, но Кристина словно ощутила слабое, едва уловимое тепло, будто дом узнал её и теперь осторожно пробуждался от долгого сна.

В голове роились воспоминания: смех матери на крыльце, запах свежеспечённого хлеба, тёплые летние вечера на веранде. И тут же: резкие, болезненные картины: хлопающая дверь, крики, слёзы, спешный отъезд.

«Смогу ли я снова почувствовать себя здесь дома?» – пронеслось в голове.

Ветер усилился, взметнув снежную пыль у её ног. Кристина вздрогнула, но не отступила. Она сделала глубокий вдох, наполняя лёгкие этим колючим, чистым воздухом, и решительно направилась к крыльцу. Каждая ступенька под ногами отзывалась глухим стуком, словно отсчитывая удары её сердца.

Кристина достала из кармана ключ. Холодный металл больно обжёг пальцы. Кристина с усилием вставила его в скважину. Металл противно скрипнул, сопротивляясь, но наконец сдался с глухим щелчком, звуком капитуляции.

Наконец дверь со стоном поддалась. В лицо ударил запах старости и забытья: смесь древесной трухи, пыли и чего-то неуловимо родного. Кристина замерла на пороге, глядя в полу-

мрак прихожей. Где-то в глубине дома тихо скрипнула половица, будто приветствуя её возвращение.

Она переступила порог, и дверь за её спиной медленно, со вздохом закрылась, отрезая её от внешнего мира.

Кристина невольно задержала дыхание, чувствуя, как внутри всё сжимается от смеси тревоги и ностальгии.

– Ну, я дома, – тихо, почти беззвучно произнесла она, обращаясь к пустоте.

Слова повисли в морозном воздухе и растаяли, не найдя отклика. Никто не отозвался. Не высунулась с кухни улыбающаяся мама, не донеслось даже призрачного эха. Лишь тишина в ответ. Кристина обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь. В груди разрасталась пустота.

Разгрузка машины заняла не больше пятнадцати минут. Два чемодана, вот и вся её новая, урезанная до минимума жизнь. Она занесла их через порог и торопливо, с силой захлопнула дверь. Прислонившись спиной к шершавой древесине, она закрыла глаза.

Облегчение? Безусловно. Но не лёгкое, не несущее освобождения, а тяжёлое, как камень, сброшенный с плеч прямо в топкое болото. Она сбежала. Признавала она это или нет, но факт оставался неумолимым: она сбежала от Артёма, от квартиры с панорамными окнами, от той безупречной картинки, что оказалась всего лишь фасадом, скрывающим бездонную, оглушительную пустоту.

Кристина медленно прошла по скрипучим половицам прихожей. Она остановилась у двери в гостиную, коснулась ручки, та поддалась с протяжным стоном. В комнате царил полумрак, лишь узкие лучи солнца пробивались сквозь запылённые стёкла, вычерчивая на полу причудливые узоры.

Вечер ушёл на безуспешные попытки включить котёл. Газ шумел, но тепло никак не хотело распространяться по дому. Наконец, когда в одной-единственной комнате, спальне её матери, стало чуть теплее, Кристина опустилась на край кровати. Скрип пружин прозвучал в звенящей тишине оглушительно громко.

Она подтянула к себе колени, укуталась в одеяло, глядя в окно. За стеклом уже полностью стемнело, и весь посёлок утонул в почти чёрной, густой как смоль зимней тьме. В голове крутились обрывки мыслей, воспоминания наплывали волнами.

Она уже начала проваливаться в тяжёлую дремоту, когда сквозь забытье слух уловил чью-то возню на чердаке.

Кристина резко выпрямилась, сердце заколотилось в горле. Она прислушалась, затаив дыхание. Звуки не прекращались.

«Крыса. Огромная крыса», – она нашла логичное объяснение, стараясь дышать глубже и ровнее.

– Привидится же, – прошептала она, и собственный голос выдал её, дрогнув на последнем слоге. – Устала просто. Нервы. Всё из-за нервов.

Она попыталась сосредоточиться на знакомых деталях: старый комод у стены, полка с пожелтевшими книгами, фотография в рамке на тумбочке. Но даже эти привычные предметы теперь выглядели чужими, будто дом незаметно изменился за годы её отсутствия.

Кристина захотела сбежать, быстро поднялась с кровати, схватила ключи от машины и уже у входа она поняла: бежать некуда. Несколько лет назад она почти так же сбежала из этого дома и поселка от бедной деревенской жизни в мегаполис. Да вот только случилось так, что теперь ей пришлось бежать из дорогой жизни к своим истокам...

Да, она бы могла поговорить с Артёмом, сказать что в курсе его измен, но для чего? Грошь цена той любви, где тебя предают. Хорошо что в своё время она не смогла всецело довериться Артёму и откладывала деньги, которыми тот её щедро одаривал.

Или откупался?

В одном она опростоволосилась. Надо было всё же работать, а не сидеть на шее у мужчины. Сейчас того гляди и не пришлось уезжать обратно в глушь. Нашла бы квартиру, работала и горя не знала.

–И чего меня потянуло в эту глушь? – Спросила девушка сама у себя. Ноги понесли её на кухню. Несмотря на длительное отсутствие в доме, она на автомате поставила чайник на плиту и расстроилась что не заехала по пути в магазин. Только сейчас Кристина поняла, что продуктов у неё нет, а круглосуточные магазины в посёлке отсутствуют.

–Ну, будет у меня разгрузочный день, – она попыталась поддержать себя, – я говорю сама с собой. Всё, клиника!

Кристина сама не поняла как отдраила кухню и перешла с уборкой в другие комнаты. Тепло начало разливаться по дому всё сильнее. Её беспечность могла ей стоить того, что сейчас бы ей пришлось разводить костер на полу, но удача была на её стороне. Отопление работало исправно, а это уже можно было считать за чудо. Заморозить отопление в нежилом доме дело нехитрое...

–Надо ещё электрика найти, чтобы проводку глянул, – сказала Кристина сама себе, когда легла на диван отдохнуть. Через несколько минут её сморил сон.

Глава 2

Стук в дверь прозвучал, как гром среди ясного неба, разорвав вязкую тишину старого дома. Кристина вздрогнула и от неожиданности выпустила из рук пустую чашку; та с глухим стуком приземлилась на потёртый половик, чудом не разбившись.

Ночь выдалась слишком короткой. Она провела её в полудрёме, то и дело вздрагивая от каждого шороха, прислушиваясь к скрипам и вздохам дома. Ощущение, будто она совсем не сомкнула глаз, не покидало её: веки казались тяжёлыми, а в висках пульсировала тупая боль.

Кристина сгребла спутанные волосы в небрежный пучок, провела ладонями по лицу, пытаясь стряхнуть остатки тревожного полусна. Сделав глубокий вдох, она двинулась к двери.

– Крис, это я, Алёна! Открывай, я с пирогами! – звонкий голос подруги прорвался сквозь деревянную преграду.

Сердце Кристины отозвалось на этот голос резким, болезненным сжатием. Такой знакомый, такой пронзительно родной, несмотря на все прошедшие годы... В груди что-то дрогнуло, будто заржавевший механизм вдруг ожил от лёгкого прикосновения.

Она откинула тяжёлую щеколду, распахнула дверь, и на порог, залитая слепящим светом отражённого от снега солнца, ступила Алёна.

Подруга выглядела как новогодняя фея, усыпанная искрящимся снежком. Её густые медные кудри, выбившиеся из-под вязаной шапки, казалось, впитывали в себя всё скудное зимнее сияние. Россыпь веснушек на вздёрнутом носу стала ещё заметнее на раскрасневшихся от мороза щеках. Ярко-зелёные глаза светились безудержной, чуть озорной радостью. В руках, покрасневших от холода, она сжимала пластиковый контейнер, завёрнутый в пуховый платок. С её губ, растянутых в широкой улыбке, срывалось парное, пушистое облачко.

– Ну что, стоишь, как будто я тебе чужая? Впускай, дуб ты стоеросовый! Замерзла ведь! – её голос звенел, как колокольчик, разгоняя стусившуюся в доме тоску.

Не дожидаясь приглашения, Алёна впорхнула в дом, словно вихрь. Энергично отряхнулась, как мокрая собака после купания, сбрасывая с плеч снежную крошку. Затем окинула быстрым взглядом обстановку, и её лицо на мгновение омрачилось.

– Господи, тут как в гробу... Темно и пахнет тоской, – она сморщила нос, но тут же снова улыбнулась, будто отгоняя мрачные мысли. – Ладно, щас исправим!

Она прошла на кухню с таким видом, будто никогда и не уходила, будто не было этих долгих лет разлуки и подруга просто вышла в соседнюю комнату на минутку. Движения Алёны были уверенными, она ловко достала из контейнера ещё тёплый, душистый пирог с капустой, развернула и поставила на стол, а потом сразу принялась за чайник, водрузив его на конфорку плиты.

– Сиди, не мешай. Я тут всё знаю. Чайник у вас... тебя... всегда на этой конфорке лучше закипает, – бросила она через плечо, не оборачиваясь.

Кристина молча, словно зачарованная, уселась на стул. Её плечи опустились, а взгляд рассеянно скользил по знакомым до боли деталям кухни: по потёртой клеёнке на столе, по старым шкафчикам с облупившимися фасадами, по крохотной полочке с выцветшими иконами. Она чувствовала себя сторонним наблюдателем, зрителем в собственном доме. И это странное ощущение было... бесконечно приятным. Эта знакомая суматоха, бесцеремонное, почти материнское участие, уверенность, что кто-то взял на себя бремя решения проблем, – всё это окутывало теплом, от которого на душе становилось и сладко, и больно одновременно.

Алёна расставляла на столе чашки: лёгкий, мелодичный звон фарфора разрезал тишину. Каждое её движение было наполнено энергией, контрастирующей с застывшей позой Кристины.

– Ну что ты как сонная муха? – продолжила Алёна, не глядя на подругу. Её голос звучал бодро, почти нарочито весело, будто она старалась заполнить собой всё пространство. – Рассказывай. Что случилось-то? Сбежала?

Прямота вопроса, обрушившаяся на Кристину, застала её врасплох. Она потупила взгляд, сконцентрировавшись на разглядывании трещины в столешнице. Трещина извивалась, словно маленькая река на карте, и Кристина невольно проследила её путь от края до края, пытаясь собраться с мыслями.

– Нет, я... домой вернулась, – наконец произнесла она тихо, почти шёпотом.

– Ага, прямо перед свадьбой, – фыркнула Алёна, с шумом наливая в чашки крутой кипяток. Пар взметнулся вверх, на мгновение скрыв её лицо. – Бросила всё и махнула ко мне в Заречный. В разгар зимы. Это по-твоему не побег?

Кристина сжала пальцами край стола. Под поверхностью спокойствия бурлили эмоции: страх, вина, облегчение. Она глубоко вдохнула, пытаясь найти слова, которые смогли бы объяснить то, для чего, кажется, не существовало определений.

– Может, и побег, – тихо, почти выдохнула она. – Но... не к тебе, а от них. От всех. От него.

В кухне повисла тишина, нарушаемая лишь тихим шипением остывающего чайника и поскрипыванием старых досок под ногами. Алёна замерла, держа в руках чашку, её весёлое выражение лица сменилось на более серьёзное, внимательное. Она медленно подошла к столу, села напротив Кристины и, не говоря ни слова, накрыла её руку своей.

Кристина медленно обвела взглядом комнату, этот застывший, немой мирок, полный теней прошлого. Пылинки кружились в тусклом луче света, пробивавшемся сквозь зашторенное окно, словно крошечные призраки былого.

– А здесь... здесь время другое. Оно не давит, не бежит, – произнесла она тихо, и голос её дрогнул на последнем слове.

Алёна внимательно посмотрела на подругу. В её изумрудных глазах озорные искорки постепенно сменились на понимающую, безмолвную теплоту. Она отставила чашку, наклонилась вперёд, опершись локтями о стол, и мягко сказала:

– Ладно, не надо. Я ведь всё понимаю. Помнишь, как мы в детстве тут сидели, у твоей мамы? Она нам такие истории рассказывала... про домовых, про лесных духов. Мы потом боялись по ночам в туалет ходить.

Кристина невольно улыбнулась. Перед глазами вспыхнули яркие картины: тёплый свет керосиновой лампы, мамин голос, убаюкивающий и завораживающий, запах сушеных трав. Она ощутила на мгновение сладкий привкус далёкого детства, такой чистый, настоящий.

– Помню, – ответила она, и в голосе зазвучала ностальгия. – А ты всё равно меня тащила в лес, на «секретные задания».

– И правильно делала! А то бы ты так и просидела бы в четырёх стенах с книжками, – Алёна рассмеялась, и этот звук, звонкий и беззаботный, будто разогнал сгустившиеся тени. – Смотри-ка, ничего не меняется.

Они замолчали, потягивая обжигающе горячий травяной чай, который Алёна нашла в одном из шкафчиков. Пирог таял во рту, наполняя желудок приятной, сонной теплотой. И этот простой момент: чай, домашний пирог, безостановочная болтовня с подругой, казался куда реальнее всех её сердечных побед и громких провалов.

За окном медленно падал снег, укрывая мир белоснежным покрывалом. В доме же царил уютный полумрак.

– А знаешь, что я тебе скажу, Крис? – Алёна отставила пустую чашку с решительным видом. – Ты правильно сделала, что приехала домой. Здесь хоть люди настоящие. Не то что твои городские пауки в банках.

Кристина лишь кивнула, глотая подступивший к горлу ком. Может, Алёна и права в своей простой правоте. Может, это убогое, застывшее во времени место и есть то самое «домой», о котором она так долго и бессознательно тосковала, даже не осмеливаясь признаться в этом самой себе.

Она поднялась и прошла в зал. Остановилась перед зеркалом, взгляделась в своё отражение. Фотокарточка на стене и отражение в зеркале были совершенно разными. На снимке юная, с широко распахнутыми глазами, с румянцем деревенская девчонка. В зеркале девушка с макияжем: пухлые, чётко очерченные губы, идеально выгнутые брови, нарисованные умелой рукой.

Каждый штрих перманентного макияжа, каждый визит к косметологу складывались в новый образ: образ городской дамы, которую она теперь видела перед собой. Кристина провела пальцами по лицу, словно пытаясь стереть эту безупречную маску.

«Я научилась быть другой», – подумала она.

В памяти вспыхнули обрывки недавних лет: модные коучи, психологи, бесконечные семинары о саморазвитии. «Важно планировать, откладывать деньги, смотреть вперёд», – звучали в голове их назидательные голоса. И ведь получилось! Она научилась считать деньги, составлять списки, думать на два шага вперёд. Внешне всё как надо: стильная, ухоженная, современная.

Но по вечерам, стоя в квартире на двадцать пятом этаже, стоило ей закрыть глаза, и она снова оказывалась тут: в доме, где пахло хлебом и свежескошенной травой. Где утро начиналось с крика петухов, а вечер, с разговоров на завалинке. Тут была её настоящая суть, её настоящая деревенская душа, которая так и осталась нараспашку.

Она улыбнулась своим мыслям. А Артём... Она даже не допускала мысли, что он может изменить ей. В её картине мира этого просто не существовало. Ведь если она любила так искренне, так открыто, как можно не ответить тем же? Её деревенская наивность жила где-то глубоко внутри, пряталась за слоями уходовой косметики и новоприобретёнными навыками финансовой грамотности.

Иногда ей казалось, что она как шкатулка с двойным дном. Снаружи: глянец, стиль, продуманный образ. А внутри: та самая девчонка, которая верит в вечную любовь, в доброту людей, в то, что всё всегда будет хорошо.

«И, наверное, это не так уж и плохо, – подумала Кристина, глядя на своё отражение. – Ведь именно эта внутренняя простота и искренность делают меня по-настоящему живой».

За спиной послышались лёгкие шаги. Алёна неслышно подошла, встала рядом, тоже посмотрела на отражение подруги.

– Знаешь, – тихо сказала она, – ты всё ещё та самая Крис. Просто немного запуталась в новых нарядах. Но это ничего. Мы разберёмся. Дашь чего-нибудь поносить?

Кристина повернулась к ней, и на этот раз её улыбка вышла настоящей: тёплой, искренней, той самой, которую знала только Алёна.

– А ты мне что? – смеясь, ответила Кристина.

Снежинки за окном продолжали свой бесконечный танец, укрывая мир белым одеялом, словно стирая все следы прошлого и открывая дорогу новой жизни на старом месте, а подруги принялись мерить вещи Кристины, крутясь напротив зеркала и смеясь от колких шуточек, которые отпускали в адрес друг друга.

Глава 3

Утро за окном было хрустально-ясным. Бирюзовая полоска рассвета растекалась по кромке заснеженного леса, а небо, ещё по-утреннему бледное, уже наливалось нежно-розовым светом. Кристина, наливая в чайник воду, не громко мурлыкала под нос обрывки старой песни: «...куда уходит детство, в какие города...»

Привычная утренняя суета успокаивала, возвращая ощущение хрупкого равновесия.

На плите уже шипела сковорода с яичницей, в воздухе витал аромат свежесваренного кофе. В доме царила редкая для этих мест тишина – ни скрипов, ни шорохов, ни навязчивых мыслей.

И именно в этот миг тишину разорвал стук в дверь.

Стук был совсем иным: не дробный перепляс подруги, а тяжёлый, настойчивый, словно в дверь уперлось бревно. Таким стуком вышибают двери. Кристина вздрогнула, рука непроизвольно сжала край стола. Чайник, поставленный на котел, издал короткий, жалобный звон.

Она на мгновение замерла, прислушиваясь. Стук повторился, ещё резче и требовательнее. Сердце заколотилось где-то в горле, а в голове пронеслось: «Кто? Зачем? Артём?»

Медленно, будто преодолевая невидимую преграду, она накинула на плечи старый, потёртый мамин халат. Изношенная ткань пахла далёким, почти забытым запахом лаванды и воска.

За дверью стоял крепкий парень в простеганной телогрейке, отстроченной инеем по воротнику. На его плече, как на плече дровосека с древней гравюры, лежала огромная охапка поленьев. От дров тянуло смолой и колючим морозом, запах, который мгновенно перенёс Кристину в детство: в баню, где мама выскабливала полы, а от запаренного веника исходил тонкий аромат березовых листьев.

Короткие русые волосы парня были прижаты шапкой, а загорелое, угловатое лицо с обветренной кожей и упрямым подбородком казалось высеченным из мореного дуба. Его глаза карего цвета, смотрели на неё без особого интереса, скользя по фигуре, уходя куда-то в сторону, будто она была просто частью интерьера.

– Здравствуйте, Иван. Дрова привёз. Куда складывать-то? – голос у него был низкий, с лёгкой хрипотцой, будто он давно не разговаривал.

Кристина, застигнутая врасплох, на мгновение растерялась. Она заказывала дрова ещё из города, по объявлению в интернете, и уже почти забыла об этом. В голове мелькнула нелепая мысль: «Я даже не привела в порядок волосы»

Она слотнула, пытаясь вернуть голос:

– А... Да, конечно. Проходите. Давайте пока сюда, а то к бане не пробраться, замело...

Она отступила, пропуская его в сени. Ваня шагнул через порог, и его массивная фигура на мгновение заслонила свет, льющийся из маленького окошка. В воздухе повисла лёгкая взвесь пыли, поднятая его движением, крошечные частицы закружились в лучах утреннего солнца, словно застывшие искорки времени.

Он с грохотом сбросил поленья в аккуратную горку в углу. Звук отозвался эхом в пустом пространстве, заставив Кристину невольно вздрогнуть. Пыль столбом взметнулась вверх, на секунду затуманив очертания предметов, а потом медленно оседала, рисуя в воздухе причудливые узоры.

Ваня выпрямился, снял шапку, провёл ладонью по коротко стриженным волосам. От него повеяло потом и морозом, резким, бодрящим запахом, который мгновенно напомнил Кристине о детстве, о зимних прогулках, о тепле печи после ледяного ветра.

– Платить будете? – спросил он, глядя куда-то мимо неё, на потолок.

Кристина сглотнула. Руки почему-то дрожали, то ли от холода, нагоняемого с улицы, то ли от этого тяжёлого присутствия, заполнившего собой всё пространство. Она вошла на кухню и суетливо полезла в сумочку, доставая кошелёк. Пальцы не сразу нащупали купюры, словно сопротивляясь неизбежному.

– Да, конечно. Сейчас, – пробормотала она, наконец протягивая деньги.

Он взял купюры, не глядя и не пересчитывая, сунул в карман телогрейки. Движения были чёткими, отработанными, видно, что он делал это не раз.

– Я планирую баню часто топить. Ещё привезёте? – спросила Кристина, пытаясь удержать разговор, разорвать эту неловкую тишину.

– Чуть позже, – коротко кивнул Иван, уже поворачиваясь к выходу. Казалось, он провёл в её доме целую вечность, а на самом деле не больше двух минут.

– Эй, – вдруг окликнула она его, сама не зная зачем. – А... вы не знаете, кто мог бы помочь с печкой? Она у меня, кажется, не очень... Я пыталась её разжечь, чтобы баню натопить и никак...

Ваня остановился на пороге, обернулся. Его взгляд скользнул по её лицу, отом глаза переместились в сторону бани, которая притулилась рядом с домом, припорошённая снегом.

– Дрова сырые поди. Оттого и не топились, – произнёс он наконец. – Эти просохли. Попробуйте.

И, не добавив больше ни слова, он ушёл, плотно прикрыв за собой дверь. Кристина осталась стоять посреди сеней, глядя на аккуратную горку поленьев. От них пахло лесом, снегом и чем-то неуловимо чужим, диким: запахом настоящей, неприрученной природы.

«Угрюмый тип, – подумала она, невольно кривя губы в усмешке. – Но дрова привёз. И про печку, кажется, прав».

Она подошла к заиндевевшему окну. Сквозь узорчатые кружева инея увидела, как Иван садится в старенький, выдавший виды «уазик». Машина завелась с полоборота: мотор сухо кашлянул, будто прочищая горло после долгого сна. Не глядя в сторону её дома, Иван тронулся с места. За автомобилем потянулся шлейф белого пара, медленно таявший в хрустальном воздухе.

«У нас тут такой красавчик появился, пока тебя не было, но затворник, жуть», – вспомнился вдруг вчерашний разговор с подругой.

«Затворник. Да, точнее не скажешь», – мысленно согласилась Кристина.

Громко, она натянула валенки, закуталась в толстый шерстяной платок и вышла во двор. Предстояло натаскать воды из колодца для бани.

Колодец встретил её скрипом старого ворота и ледяным дыханием глубины. Кристина осторожно опустила ведро, прислушиваясь к далёкому всплеску. Когда подняла, вода в ведре мерцала, словно жидкое стекло.

Путь к бане превратился в настоящее приключение: снег доходил почти до коленей, каждый шаг требовал усилий. Она шла, оставляя за собой неровную цепочку глубоких следов, а вокруг ни души, только тишина и бесконечная белизна.

В бане Кристина принялась за дело: аккуратно сложила сухие поленья в печь, добавила щепы, бумагу, чиркнула спичкой. Пламя робко облизнуло древесину, затрепетало, будто сомневаясь, стоит ли разгораться.

– Ну давай же, милая, – уговаривала она печь, словно капризного ребёнка. – Ты можешь.

Печь ответила глухим гулом, пламя вспыхнуло ярче, и по стенам заплясали первые тёплые тени. Кристина рассмеялась:

– Вот так! А я уж думала, что ты не топишься.

Пока баня прогревалась, она взялась за уборку. Щётка скребла по старым половицам с таким усердием, что казалось, вот-вот протрёт их до дыр. Пары поднимались от влажной

древесины, смешиваясь с ароматом берёзового веника, который Кристина вчера выцыганила у Алёны, и замочила в горячей воде.

Потом она вышла во двор, чтобы расчистить снег. Лопату пришлось поискать по сараям, но прежде их пришлось откапывать чуть ли не голыми руками. Первые взмахи дались тяжело, но вскоре вошло в ритм: раз – снег летит в сторону, раз – ещё порция. Щёки покраснелись, дыхание стало частым, а в груди разлилось почти детское удовольствие от физической работы.

Когда баня наконец прогрелась, Кристина вошла внутрь с блаженным вздохом. Жар окутал тело, проникая в каждую клеточку, снимая напряжение последних дней. Она плеснула воды на камни и пар взметнулся с шипением, наполняя пространство густым, душистым облаком.

Она парилась долго, с наслаждением, позволяя теплу выгнать из мышц усталость, а из головы тревожные мысли. Но даже здесь, в этом царстве жара и покоя, перед глазами стоял образ Ивана: его холодные глаза цвета промороженной земли, твёрдая линия подбородка, широкие плечи под простеганной телогрейкой.

«Почему он не выходит из головы? – удивлялась Кристина, прислоняясь к тёплой стене. – Обычный мужик. Молчаливый. Даже грубоватый».

Но что-то в нём цепляло, то ли эта неприкрытая простота, то ли уверенность движений, то ли взгляд, в котором не было ни фальши, ни желания понравиться.

После бани она устроилась на кухне. Ужин получился незатейливым, но невероятно вкусным: горячая картошка с маслом, солёные огурцы из маминых запасов и душистый чай с малиной.

Кристина ела медленно, наслаждаясь каждым кусочком, каждым глотком. За окном темнело, снег переливался в свете луны, а внутри покой, которого она давно не чувствовала. Убрала посуду, она накинула тёплый халат, прошла по комнатам, проверяя, всё ли в порядке.

Ложась в постель, Кристина почувствовала, как усталость наваливается всей тяжестью. Тело ныло от работы во дворе, но это была приятная, заслуженная усталость. Она укуталась в одеяло, закрыла глаза и почти мгновенно провалилась в сон.

А во сне он был рядом.

Иван.

Он не говорил ни слова, просто смотрел, и этот взгляд прожигал насквозь, будил что-то давно забытое, но такое родное. Она хотела спросить его о чём-то важном, но слова растворились в тумане сновидений.

Проснулась она с ощущением, что в комнате кто-то есть. Но вокруг была лишь тишина, да лунный свет, пробивающийся сквозь занавески.

«Это просто сон», – подумала Кристина, переворачиваясь на бок...

Глава 4

Утро началось с ощущения, будто собственное тело стало врагом. Кристина попыталась подняться с постели, но волна слабости накатила на неё, пригвоздив к матрасу. Голова раскалывалась от пульсирующей боли, каждая кость ныла и ломилась, а горло горело огнём, словно в нём тлел раскалённый уголь.

«Простуда... – с тоской подумала она. – А я так надеялась от неё увернуться».

Собрав всю волю в кулак, Кристина заставила себя сесть. Комната поплыла перед глазами в мутном вихре, очертания предметов размылись, сливаясь в пёстрые пятна. Ноги были ватными и непослушными, будто не свои. Ступая по холодному полу, она едва не падала, хватаясь за косяки дверей, как за спасительные опоры.

Нужно было идти до кухни, до воды и таблеток.

Кухня встретила её тишиной и тусклым светом, пробивавшимся сквозь заиндевевшие стёкла. Каждый шаг отдавался в голове глухим стуком, а в ушах шумело, будто где-то рядом бушевал невидимый прибой. Кристина кое-как доплелась до шкафчика, где лежала привезённая с собой аптечка: целый арсенал против всех мыслимых напастей.

Дрожащими руками она раскрыла коробочку. Взору предстали аккуратные упаковки: капсулы от гриппа, снимающие температуру и ломоту; таблетки от давления на случай стресса; спазмолитики для желудка; ещё с десяток средств от всего, чего только можно было опасаться, сбегая из большого города.

«Всё предусмотрено, – горько усмехнулась она про себя. – И сразу же аптечка понадобилась».

Набрав в ладонь горсть разноцветных пилюль, Кристина дрожащей рукой налила в стакан воды. Пальцы скользили по стеклу, и вода чуть не выплеснулась на стол. Через силу она проглотила горьковатый коктейль, чувствуя, как таблетки царапают воспалённое горло.

У неё не было сил даже удержать стакан, он с глухим стуком приземлился на столешницу. Где-то в глубине дома, в груди вещей, настойчиво и безучастно звонил телефон. Но мысль о том, чтобы найти его, показалась ей задачей, равной восхождению на Эверест. Она просто не могла.

С трудом переставляя ноги, Кристина поплелась обратно к постели. Упав на подушки, она провалилась в забытьё, тягучее, лихорадочное, полное смутных образов и обрывочных мыслей.

Простуда не желала отпускать. Дни сливались в один бесконечный полумрак, где реальность то и дело растворялась в лихорадочных видениях. Кристина постоянно спала, прерывая сон лишь на новую порцию препаратов, а потом снова шла к кровати, волоча за собой одеяло, словно тяжёлую мантию.

Не было сил даже расчесать волосы, они спутались в тусклые пряди, приликая к влажному от пота лицу. Не было желания умыться, холодная вода казалась враждебной, чужой. Мир сузился до размеров комнаты, где каждый звук: скрип половицы, стук капель за окном, отдавался в голове молотом.

В один из таких дней дверь тихо скрипнула, и в комнату ворвался свежий воздух, смешанный с запахом мороза и выпечки. Алёна, увидев подругу, замерла на пороге. Её глаза мгновенно оценили картину: бледное лицо, запавшие глаза, бессильно опущенные руки.

– Ну и вид у тебя, – констатировала она.

Алёна прошла к плите, поставила кастрюлю, начала что-то мерить, смешивать, бормотать себе под нос. В воздухе поплыл кисло-сладкий аромат клюквы.

– Таблетки твои – это хорошо, но это всё обманка, – заявила Алёна, оборачиваясь. Её движения были резкими, будто она сражалась с болезнью, как с живым противником. – Травок тебе надо. Настоящих. К бабе Глаше сходить. Она тебе такой сбор сделает, что любую хворь как рукой снимет.

Кристина, укутанная в два одеяла, только слабо замотала головой.

– Не надо... Я как-нибудь...

– Никаких «как-нибудь»! – отрезала Алёна, и в её голосе прозвучала та железная нотка, которую Кристина знала с детства. – Или ты сама пойдёшь, или я тебя за руку отведу. Выбирай.

– Ещё тогда говорили что она ведьма, а ты меня к ней...

– Старожил она, а не ведьма! Уже взрослая, а всё в сказки с завалинки веришь. Так что выбираешь? Первое или второе?

Пришлось выбирать первое.

Машина Кристины была непригодна для деревенских дорог. Значит, придётся идти пешком.

Дорога до избышки на краю болота показалась бесконечной. Ноги подкашивались, в висках стучало, а мокрая от снега куртка тянула вниз, к земле. Каждый шаг требовал невероятных усилий, метель разошлась не на шутку, то и дело бросая в лицо пригоршни колючего снега.

Избушка возникла внезапно, это была не сказочная избышка на курьих ножках, а обычный, но очень старый бревенчатый дом, почерневший от времени. Он выглядел почти незаметно, но от него веяло чем-то не особо радостным, и Кристина невольно остановилась, переводя дух.

Дверь открылась прежде, чем она успела постучать.

На пороге стояла баба Глаша. Высокая и сухопарая, она была облачена в длинное чёрное платье, скрывавшее очертания фигуры. Её лицо, испещрённое морщинами, было обрамлено тёмным платком, скрывавшим волосы. Пронзительные, тёмные, как спелая черника, глаза, жившие в этой сети морщин, смотрели на Кристину с таким вниманием, что та почувствовала себя абсолютно обнажённой. Будто старуха видела не только её тело, но и душу, все страхи, сомнения, невысказанные слова.

Тонкие, бескровные губы были плотно сжаты. На её шее, поверх платья, висел небольшой, истрёпанный временем холщовый мешочек, от которого тянуло слабым ароматом полыни и ещё каких-то незнакомых сухих трав.

– Заходи, чего замерла, – бросила она и, повернувшись спиной, пошла внутрь. Тёмное платье зашуршало вокруг её ног, словно шепча древнее заклинание.

В доме пахло дымом, сушёными травами и чем-то лекарственным. На полках стояли банки с загадочными настоями, пучки растений свисали с потолка, словно гирлянды, а между ними расположились связки лука в капроновых колготках, коренья и мешочки, перевязанные бечёвкой. Тени от них плясали на стенах в неровном свете керосиновой лампы, создавая причудливую мозаику из света и тьмы.

Баба Глаша, не глядя на Кристину, начала что-то искать в заветном углу.

– Простыла, говоришь? – процедила она, и в её голосе прозвучала не столько участливость, сколько суровая правда жизни. – Не мудрено. Городская ты наша неженка. Тут климат не для тебя. Отвыкла совсем и от труда тяжкого, и от морозов наших. Неча было с голыми ногами вчера по морозу снег расчищать, да по сугробам прыгать!

Кристина молчала, чувствуя себя школьницей, вызванной к директору. Она невольно опустила взгляд, разглядывая свои руки: бледные, с красным лаком на ногтях, совсем не похожие на крепкие, загрубевшие ладони бабы Глаши. В груди сжался комок стыда: «Она права... Я действительно не приспособлена к этой жизни».

Баба Глаша резко развернулась, подошла к столу и протянула ей небольшой холщовый мешочек, точь-в-точь как тот, что был на ней самой. Ткань была грубоватой, а внутри что-то тихо зашелестело.

– На... Заваривай по шепотке на кружку. Пить три раза в день. И ноги парить с горчицей.

– Спасибо, – прошептала Кристина, беря мешочек. Травы внутри зашелестели, и в нос ударил резкий, горьковатый запах полыни. Девушка не могла прийти в себя от того, что Баба Глаша, не спрашивая её, уже знала, где та заболела. Но, списав всё на то, что деревня маленькая и кто-то да рассказал, что новая жиличка с «старыми корнями» начала дом и подворье приводить в порядок, Кристина было направилась к выходу.

И тут Баба Глаша подняла на неё свой взгляд.

Её глаза впились в Кристину. Она смотрела долго, внимательно, будто читала строки, написанные невидимыми чернилами на её коже. В этом взгляде было что-то пугающее и одновременно завораживающее, словно старуха видела не только её тело, но и душу.

– В мать вся... – наконец произнесла она, и голос её звучал почти как скрип старого дерева. – Та же печать на лице. Та же участь.

Кристину бросило в жар, не связанный с болезнью. Кровь прилила к щекам, а сердце забилося так часто, что, казалось, готово было вырваться из груди.

– Какая... какая участь? – едва слышно спросила она, чувствуя, как дрожат губы.

– Сама узнаешь. Не сегодня-завтра, – ответила Баба Глаша, и в её тоне не было ни угрозы, ни сочувствия, лишь холодная уверенность человека, привыкшего видеть то, что скрыто от других. Она отвернулась, давая понять, что разговор окончен. – Ступай. Выздоровливай. Тебе хворать нельзя, дела тебя ждут. Дом сколько без хозяйки стоял, надо всё в порядок приводить.

Кристина, не помня себя, вышла на морозный воздух. Слова «печать» и «участь» звенели у неё в ушах громче, чем стук собственного сердца. Она сжала в руке холщовый мешочек, от которого сразу же потянуло горькой полыню. Точно так же раньше пахло и от мамы...

За воротами избушки она остановилась, глядя на заснеженную тропинку, ведущую к дому. Ветер играл её волосами, а в голове крутились мысли: «Что она имела в виду? Какая печать? Какая участь?»

Она глубоко вдохнула холодный воздух, пытаясь успокоиться. Вокруг царил тишина, нарушаемая лишь редким скрипом снега под ногами и далёким карканьем вороны. Деревья, покрытые инеем, стояли неподвижно, словно стражи, охраняющие тайны этой земли.

Медленно, шаг за шагом, Кристина двинулась в сторону дома...

Глава 5

Кристина не знала ни одного человека из деревни, который бы не верил в настоящую на солнце и земле силу трав. Здесь это знание жило в крови, передаваясь из поколения в поколение. Старухи у колодцев перешёптывались о свойствах зверобоя, молодые матери заваривали мяту для беспокойных детей, а в каждом доме на полках стояли мешочки с сушёными дарами леса и поля.

Душица, чей аромат напоминал о жарком лете, горьковатый зверобой, успокаивающая мята – всё это было частью повседневного ритуала, почти молитвы природе. И травы, подаренные бабой Глашей, оказались тем самым волшебным ключиком, что отворил дверь к здоровью Кристины.

Уже на следующий день после того, как она начала пить горьковатый настой, пахнувший лугом и лесом, жар отступил. Ломота в теле сменилась приятной слабостью, а мир вокруг перестал расплываться в мутной пелене. Таблетки, теперь бесполезно лежавшие в аптечке, не шли ни в какое сравнение с этим старинным, проверенным эликсиром.

Но даже начав выздоравливать, Кристина не могла избавиться от сжимающего сердце ночного страха. Темнота за окнами казалась живой и враждебной, будто за стеклом притаились неведомые существа, ждущие момента, чтобы проникнуть внутрь. Каждый скрип старого сруба отзывался в воображении зловещими картинками: то чудилось, будто кто-то осторожно шагает по крыльцу, то казалось, что в углу шевелится тень, принимая очертания человеческой фигуры.

По ночам она лежала, уставившись в потолок, и прислушивалась к каждому звуку. Ветер за окном выводил протяжные, тоскливые мелодии, а где-то вдали ухала ночная птица, и этот крик эхом отдавался в пустоте деревенских просторов.

Как только здоровье начало крепчать, Кристина решила взяться за домашние дела. Мысли о бытовых радостях: о сливе, трубопроводе, автоматической стиральной машине, приходилось откладывать до лета. Пока стояли морозы, об этом можно было лишь мечтать.

Простые задачи, вроде мытья посуды в тазу, не вызывали трудностей. Но стирка и купание оставались самыми мучительными процессами.

В один из ясных, морозных дней Кристина отправилась в сарай. Там, среди старых инструментов и забытых вещей, она отыскала стиральную машину «Малютка». Дopotопный агрегат, который, казалось, пережил не одно поколение хозяев. С трудом вытащив его наружу, она принялась за работу.

Сначала вода.

Три ведра из колодца, каждое было испытанием. Руки быстро заоченели от холода, пальцы не слушались, а ледяная вода, просачиваясь сквозь перчатки, обжигала кожу. Но Кристина упорно тащила ведро одно за другим, ставя их на плиту. Пока вода грелась, она сняла занавески с окон, те пахли сыростью и временем. Потом вытащила из шкафов постельное бельё, которое тоже требовало срочной стирки.

«Можно пойти лёгким путём, – мелькнула мысль. – Отдать вещи Алёне. У неё есть всё: и стиральная машина, и сушилка. Она без проблем постирает и вернёт всё чистым и свежим».

Но Кристина твёрдо решила: нет. Она сама будет нести ответственность за себя, свои дела и свою жизнь. Слишком долго ей не давали этого делать, держа в золотой клетке, где все проблемы решались за неё. Теперь всё будет иначе.

Она налила горячей воды в машинку, добавила стирального порошка, и воздух наполнился резким химическим запахом. Мыльные пузыри лопались с тихим шелестом, вода темнела от грязи, а Кристина всё заводила и заводила машинку по новой, вспоминая, как в детстве

наблюдала за мамой, которая стирала точно так же. Тогда это казалось ей чем-то архаичным, почти смешным. Теперь же единственно возможным.

За окном медленно опускались сумерки. Солнце касалось верхушек деревьев, окрашивая снег в розовые и лиловые тона. В доме становилось темнее, но Кристина не зажигала свет, ей хотелось доделать всё до конца.

Когда последняя вещь была выстирана и отжата, она вышла во двор, чтобы развесить бельё на верёвках. Морозный воздух обжёг лёгкие, а мокрые руки тут же начали коченеть. Но она упорно цепляла прищепками простыни и наволочки, наблюдая, как они колышутся на ветру, словно призрачные флаги.

Вернувшись в дом, она почувствовала усталость, которая приходит после хорошо выполненной работы.

Вечером, сидя у котла с чашкой чая, Кристина смотрела на танцующие языки пламени и думала о том, как много изменилось за эти дни. Болезнь, встреча с бабой Глашей, эти простые, но такие важные дела, всё это будто перевернуло что-то внутри неё.

Слова старухи: «в мать вся... та же печать на лице, та же участь», по-прежнему звучали в голове, вызывая тревогу. Но сейчас, глядя на чистое бельё, развешанное во дворе, на огонь, согревающий дом, на свои покрасневшие руки, Кристина почувствовала: она справится.

Ночь снова опустилась на деревню, ветер всё так же выводил свои мелодии, а ночная птица продолжала кричать где-то вдали. Но в доме было тепло, уютно, и запах свежевывстиранного белья смешивался с ароматом чая и дров из сеней.

Кристина легла в постель, укуталась в одеяло и закрыла глаза. Сон пришёл быстро, спокойный, без кошмаров.

Проснувшись ночью, Кристина поначалу не могла понять, что её разбудило. В доме стояла такая тишина, что собственное дыхание казалось оглушительно громким. Она перевернулась на бок, намереваясь снова уснуть, но тут-то и услышала этот звук: не убаюкивающий скрип половиц и не привычную возню мышей на чердаке. Нет, это был приземлённый, настойчиво-шуршащий шорох, будто кто-то очень осторожно и целеустремлённо перебирал содержимое её буфета.

Сердце заколотилось в груди, словно пойманная птица. Холодная паника сковала всё тело, от кончиков пальцев до корней волос. В голове вспыхнули тревожные образы: воры, бродяги, нечисть, пробирающаяся в дом под покровом ночи.

«В доме кто-то есть», – мысль пронзила сознание, как молния.

Дрожащими руками Кристина нашарила на прикроватной тумбочке телефон, экран засветился тусклым светом, показывая без четверти три. Она метнула взгляд в угол комнаты и краем глаза заметила старый веник. Первое, что попало под руку.

«Оружие», – мелькнуло в голове.

Вооружившись им, как древним копьём, она на цыпочках, затаив дыхание, вышла из спальни. Каждый шаг отдавался в ушах барабанным боем. В горле пересохло, а ладони, сжимающие деревянную рукоять, стали влажными от пота.

На кухне царил полумрак. Сквозь узкие щели в занавесках пробивались лишь бледные полоски лунного света. И в этом сумраке она увидела сгорбленную тёмную фигуру, копошащуюся у стола.

Без лишних раздумий, с криком, в котором смешались все её накопленные за последнее время страх и напряжение, Кристина замахнулась и ударила.

– Уходи, нечистая сила! Ату!

Веник со свистом рассек воздух и обрушился на спину незваного гостя. Но вместо ожидаемого сверхъестественного воя раздался вполне человеческий, детский визг. Фигура кубарем покатила по полу, выронив из рук какой-то блестящий предмет.

– Ай! Не бейте! Я свой!

Дрожа, Кристина шёлкнула выключатель. Свет залил кухню, и она увидела, как по полу, потирая спину, ползает круглолицый пацанёнок лет десяти, в потрёпанном пуховике и ватных штанах. Рядом на половике безвольно валялся новенький смартфон.

– Ты... кто?! – выдохнула она, опуская своё незамысловатое оружие. Веник вдруг показался ей нелепым и смешным.

– Мишка, – испуганно буркнул мальчик, поднимаясь и опасливо поглядывая на веник. – Я Мишка. Мы с пацанами... мы поспорили.

– О чём?! – голос Кристины всё ещё дрожал от выброса адреналина. Она прислонилась к стене, чувствуя, как подкашиваются ноги.

– Ну... что у вас тут привидение живёт. Говорят, твоя мама колдовала, а теперь ты... А мне надо было его сфоткать. Ночью. Для доказательства.

Он потупился, виновато потирая ушибленное место. Кристина вдруг почувствовала себя полной дурой. «Нечистая сила...» – мысленно повторила она. Только что отходила веником местного школьника, одержимого мальчишеским азартом.

В груди зародилось странное ощущение: смесь облегчения, стыда и... смеха. Он подкашивал к горлу вместе с остатками паники, щекотал небо, рвался наружу. Кристина сжала губы, пытаясь удержать его, но безуспешно.

– И как? Сфоткал? – спросила она, и голос предательски дрогнул.

– Да нет же... Вы... Ты... меня вот этим... – он показал на веник.

Кристина не выдержала и расхохоталась. Смех вырвался наружу, звонкий и немного истеричный, разносясь по кухне, сметая остатки ночного ужаса.

Мальчик смотрел на неё, сначала недоверчиво, потом робко улыбнулся.

Она вздохнула, подняла его смартфон и протянула ему.

– Уходи, Мишка. И передай своим «пацанам», что привидений тут нет. А есть нервная тётя с веником. Понял?

– Понял, – он кивнул и, бросив на неё последний испуганный взгляд, шмыгнул в прихожую и выскочил за дверь.

Кристина осталась стоять посреди кухни, всё ещё сжимая в руке веник. За окном медленно светлело небо, предвещая рассвет. Она посмотрела на часы – без десяти четыре.

«Ну и ночка», – подумала она, направляясь обратно в спальню.

Укладываясь в постель, она ещё раз тихо рассмеялась, представив, как завтра Мишка будет рассказывать друзьям о «нервной тётя с веником». И уже засыпая, поймала себя на мысли, что впервые за долгое время чувствует лёгкость, будто ночной инцидент смыл с души остатки страхов и сомнений.

На следующее утро Кристина нерешительно толкнула тяжёлую дверь местного магазина. Ей нужно было купить хлеба. Но едва она переступила порог, по спине пробежал неприятный холодок: атмосфера в магазине была... особенной.

Воздух словно наэлектризовался от сдержанных улыбок и перешёптываний. Продавщица Зинаида Петровна, обычно приветливая и словоохотливая, встретила её странным взглядом: прищуренным, с еле заметной ухмылкой, будто знала какую-то забавную тайну. Двое мужиков у прилавка перешёптывались, побряхтывали, бросая на Кристину быстрые, искоса, взгляды. Их приглушённые реплики сливались в неразборчивый гул, но в нём отчётливо угадывались смешки.

«Уже знают... – с тоской подумала Кристина, чувствуя, как внутри всё сжимается. – Конечно, знают. В деревне новости разносятся быстрее ветра».

Она медленно подошла к прилавку, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Руки невольно сжались в кулаки, ногти впились в ладони:

– Хлеба, пожалуйста, – произнесла она чуть слышно, глядя куда-то в сторону.

Зинаида Петровна молча протянула буханку, но в её глазах плясали озорные искорки. А в этот момент один из мужчин, широко ухмыльнувшись, громко спросил:

– Ну что, Кристинка, нечистую силу в округе вывела? Говорят, веником орудуешь лихо!

Зал тут же взорвался дружным хохотом. Смех прокатился по тесному помещению, отражаясь от полок с консервами, от жестяных банок, от стеклянных дверей холодильника. Он заполнил всё пространство, окутал Кристину плотным облаком, и в этом облаке смешались и добродушная насмешка, и искреннее веселье, и даже... некое признание.

Кристина почувствовала, как по щекам разливается жаркий румянец. Кровь прилила к лицу, уши запылали, а в горле встал колючий ком. Она сжала в руках хлеб, будто он мог стать щитом от этого всеобщего внимания.

Но в то же время где-то глубоко внутри зарождалось странное ощущение, не только унижения, но и... облегчения? Ведь этот смех не был злым. В нём не было презрения или осуждения. Только добродушное удивление, почти родственная снисходительность.

Она быстро кивнула, пробормотала что-то невнятное и почти выбежала из магазина, оставив за спиной весёлый гомон и перешёптывания. Дверь захлопнулась, отрезав её от этого маленького мира, где она теперь стала героиней местной хохмы.

На улице было свежо и тихо. Морозный воздух обжёг лёгкие, отрезвляя, возвращая к реальности. Кристина остановилась, прислонилась к стене магазина, закрыла глаза.

«Новая жиличка дома на отшибе бьёт детей вениками по ночам, принимая их за нечисть», – мысленно повторила она придуманный кем-то заголовок. И неожиданно для себя рассмеялась.

«Ну и история... – думала она, вытирая слёзы. – Зато теперь я точно не „вернувшаяся не солоно хлебавши“. Теперь я своя. Пусть и смешная».

С этого дня подколки стали частью её жизни. Кто-нибудь из местных, встречая её, обязательно подмигивал и спрашивал:

– Ну как, веник под рукой держишь?

Или:

– Не боишься, что опять нечистая сила заявится?

Кристина научилась отвечать с улыбкой. Она не оправдывалась, не пыталась объяснить, что всё вышло случайно. Вместо этого она подхватывала игру:

– Веничек всегда наготове! – отвечала она с притворной серьёзностью. – Лучшее средство не только от пыли, но и от излишнего любопытства.

И люди смеялись, а она смеялась вместе с ними. В этих шутках больше не было отчуждения, только тёплое, почти семейное участие. Она стала частью деревни, частью этого мира, где даже нелепая история могла превратиться в добрую байку.

А по вечерам, вспоминая тот ночной инцидент, Кристина иногда брала в руки старый веник, стоявший в углу, и улыбалась...

Глава 6

Кристина почувствовала необъяснимую перемену в воздухе. Словно невидимая стена, отделявшая её от местных, вдруг растаяла без следа. Теперь взгляды односельчан не скользили по ней отстранённо, в них читалось признание, почти родственная теплота.

И в этой простоте, в этой незамысловатой деревенской искренности она вдруг ясно осознала: мечта о том, чтобы просто подлатать дом и снова умчаться в город, была призрачной и неверной. Здесь, в этой суровой деревенской тиши, её израненная душа наконец-то обрела точку опоры.

«Как странно... – думала Кристина, глядя в окно на заснеженные крыши. – Я бежала отсюда, а теперь понимаю: именно здесь я нашла то, что искала».

Ей остро, до боли, захотелось привести в порядок не только свой быт, но и своё прошлое. А начинать следовало с самого главного: с могилы матери.

Утро выдалось морозным и ясным. Солнце, ещё низкое над горизонтом, рассыпало по снегу россыпь бриллиантовых искр. Воздух был настолько чистым, что каждый вдох обжигал лёгкие ледяной свежестью.

Кристина заглянула в дальний угол сени, где хранились старые вещи. В углу, за коробками и пыльными сундуками, она нашла то, что искала: потёртые валенки, старый мамин ватник, простеганный и жёсткий от времени, и пуховый платок.

Она провела рукой по грубоватой ткани ватника, и перед глазами тут же всплыл образ матери, такой, какой она помнила её с детства: в этом самом ватнике, с платком на голове, с лопатой в руках, разбирающую сугробы у крыльца.

«Сколько себя помню, мама всегда была в этом... – подумала Кристина, прижимая одежду к груди.»

Её городские короткие куртки и элегантные полусапожки казались здесь жалкой и бесполезной пародией на одежду. Она медленно переделалась, натянула валенки, завязала платок под подбородком. Ткань приятно согревала кожу, а в душе поднималось странное чувство, будто сама мать сейчас оберегает её и направляет.

Дорога к погосту оказалась непростой. Зима в этом году была щедра на снега, метели и затяжную пургу. Тракторист, объезжавший посёлок, физически не успевал расчистить все дороги за один день. А уж кто бы стал особо усердствовать на пути к кладбищу, затерянному на окраине?

Морозный рассвет окрасил заснеженные поля в бледно-розовый цвет. Кристина стояла у калитки, глядя на тропу, ведущую к погосту. Сердце билось часто, будто предупреждая: «Ты готова?»

«Да, – мысленно ответила она себе. – Пора».

Путь оказался не просто трудным: он стал настоящим испытанием. Снег лежал нетронутый, высокий, кое-где по колено, а в ложбинках и по пояс. Каждый шаг давался с усилием: ноги проваливались в рыхлую целину, валенки мгновенно намокали, а холод пробирался сквозь толстые шерстяные носки.

Кристина шла, наклонив голову против ветра, и думала о том, как давно она не была здесь. Годы? Десятилетия? Последний раз она приходила на могилку к бабушке. Время размыло границы, превратило воспоминания в смутные образы, но сейчас, продираясь сквозь сугробы, она чувствовала: прошлое возвращается, настигает её, как этот колючий ветер.

«Мама... – мысленно звала она. – Я иду».

Могилу она едва нашла. Огромный снежный нанос был наметён так высоко, что не было видно даже тёмного деревянного креста. Кристина остановилась, тяжело дыша, и посмотрела на эту белую гору.

Она сняла варежки. Пальцы тут же онемели от холода, но она не обратила на это внимания. Начала разгребать снег руками, сначала осторожно, потом всё яростнее, будто пыталась прорваться сквозь барьер, отделявший её от прошлого.

Снег был плотным, утрамбованным ветрами, но Кристина не сдавалась. Она копала, скребла, отбрасывала комья в сторону, пока наконец под её руками не проступила табличка.

На неё смотрела молодая, улыбающаяся мама. Глаза на фотографии были живые, с искоркой смотрели прямо на неё. И в этой улыбке Кристина вдруг увидела то, чего не замечала раньше: тихий, немой укор.

Укор за все годы.

За все дни, когда дочь не приезжала.

За долгое, предательское отсутствие.

– Мама... – прошептала Кристина, и голос дрогнул.

Она присела на краешек сугроба. Ноги подкосились, а в груди что-то сжалось так, что стало трудно дышать. Слезы, горячие и солёные, потекли по замёрзшим щекам, оставляя мокрые дорожки. Они падали на снег, растворялись в нём, как её слова в тишине, что царила вокруг.

Ветер здесь не свистел, не рвал одежду, он лишь тихо шелестел ветвями старых елей, стоящих сторожами у ограды. Где-то вдали каркала ворона, но её крик не нарушал покоя, а лишь подчёркивал его.

Кристина закрыла глаза и начала безмолвно беседовать с матерью. Она просила прощения за то, что не приезжала, за то, что боялась вернуться, за то, что так долго бежала от себя. Она объясняла то, что не успела сказать при жизни, то, что копилось в душе годами.

«Я боялась, – шептали её мысли. – Боялась увидеть твоё место пустым. Боялась почувствовать, что тебя больше нет. Но теперь я понимаю: ты всегда была здесь».

Когда слёзы иссякли, Кристина достала из кармана маленький свёрток. Это были шоколадные конфеты, которые мама так любила. Она положила их на промёрзлый снег у подножия памятника.

– Это тебе, – сказала она тихо. – Как раньше, помнишь?

Ей показалось, или ветер на миг стал теплее? Или это просто воображение? Но в груди разлился покой.

Обратный путь она шла уже легче. Снег всё так же цеплялся за валенки, ветер всё так же бил в лицо, но внутри было что-то новое твёрдое, как камень.

Мысль оформилась окончательно: она останется здесь. В Заречном. Это больше не бегство. Это возвращение.

И с этим новым чувством Кристина с фанатичным рвением вновь принялась за работу. Она двигалась словно заведённая: разгребала многолетние завалы на чердаке, смахивала паутину с балок, подметала запylённые полы. Взмах метлы, скрежет веника по половицам, шуршание старых газет под ногами: всё сливалось в монотонный ритм, будто она пыталась загнать подальше последние остатки нелепости и жгучей досады, засевших в груди после ночной стычки с мальчишкой.

Физический труд действовал как анестезия. Пока руки заняты, пока мышцы горят от напряжения, мысли не так больно ранят. Но стоило на миг остановиться, перевести дух, и они снова наваливались: «А вдруг кто-то ещё решит проверить, живёт ли тут привидение?... А вдруг...?»

Она тряхнула головой, отгоняя навязчивые образы. Нет. Сейчас только работа. Только порядок.

Именно в этом порыве Кристина решила добраться до старого сундука. Он примостился под крутой, вертикальной лестницей, ведущей на чердак, и был основательно завален: картон-

ные коробки с пожелтевшими газетами, старые пальто, пахнущие нафталином, потрёпанные чемоданы, словно его намеренно прятали от чужих глаз.

«Зачем? – мелькнуло в голове. – Что такого могло быть внутри, что потребовало столь тщательного укрытия?»

Она принялась расчищать пространство. Наконец сундук предстал перед ней во всей своей массивности: тяжёлый, обитый тёмным металлом, с потускневшими уголками и ржавыми замками.

Кристина провела ладонью по крышке. Дерево было шершавым, испещрённым трещинами времени. Она нащупала засов, потянула, он в ответ заскрипел, словно протестуя. Крышка поддалась неохотно, с протяжным, жалобным стоном, и в лицо ей пахнуло затхлостью, пылью и безмолвным прошлым.

Внутри лежало наследие.

Выцветшие ситцевые платья, в них Кристина помнила маму в летние дни: лёгкие, с цветочным узором, они колыхались на ветру, когда мать ходила по огороду. Шерстяной плед, когда-то пушистый, а теперь жёсткий от времени. Толстая пачка фотографий, пожелтевших, с потрёпанными углами.

Сердце сжалось от чувства, будто она коснулась живой памяти, будто сама мать на миг ожила в этих вещах.

Кристина с трепетом перебирала содержимое сундука. Пальцы скользили по ткани, ощупывали края снимков, задерживались на знакомых чертах. И вдруг, под слоем старого тряпья, её пальцы наткнулись на что-то твёрдое, угловатое.

Она вытащила предмет.

Толстая тетрадь в клеёночной обложке. Когда-то, должно быть, ярко-синей, а теперь выцветшей до блёклого серо-голубого. На обложке ни единого слова. Но Кристина сразу поняла: это мамин дневник.

Она присела на край сундука, прижала тетрадь к груди. Руки дрожали.

«Открыть? Или... может, не стоит? Что, если там то, что я не готова услышать?»

Но любопытство, смешанное с тревогой, пересилило. Она осторожно приоткрыла потрёпанную тетрадь. Почерк, мелкий, аккуратный, такой знакомый, бросился в глаза сразу.

«1 января. Снова одна. Снег идёт, всё замедляет. И внутри тоже...»

Кристина замерла. Слова будто пронзили её насквозь. Она перечитала фразу снова, и снова, и снова.

«Снова одна...»

Эти слова эхом отозвались в её собственной душе. Сколько раз она чувствовала то же самое? Сколько раз, сидя в городской квартире, смотрела в окно на падающий снег и думала: «Я одна. Совсем одна».

Кристина захлопнула тетрадь, ладони вспыхнули жаром, а по спине пробежал ледяной озноб. Руки непроизвольно задрожали, и она сжала их в кулаки, пытаясь унять эту предательскую дрожь.

Перед ней лежала не просто исписанная тетрадь. Это была застывшая боль, спрессованные тайны, ответы на вопросы, которые она боялась задавать всю свою сознательную жизнь.

«Что там? – мысли металась в голове, натываясь на страхи. – Может, что-то об отце? О том, почему он ушёл? Или о том, почему мы жили здесь, на отшибе, словно отщепенцы? А вдруг... вдруг там объяснение словам бабы Глаши о „печати“ и „участи“?»

Она провела ладонью по обложке. Открыть, значит прикоснуться к сокровенному миру, который мама всегда держала за семью замками. Узнать то, что, возможно, навсегда изменит её собственное будущее. Или окончательно сломает хрупкий покой, который ей с таким трудом удалось обрести.

Кристина медленно опустилась на старый табурет рядом с сундуком. «Я не готова, – призналась она себе. – Не сейчас... Я только начала находить себя здесь, в этом доме, в этой жизни. А дневник... он всё перевернёт».

Мысли кружились, сталкивались, рассыпались на осколки. Она представляла, как переворачивает страницу – и перед ней раскрывается мир, о котором она ничего не знала. Мир маминых чувств, её сомнений, её правды. И от этой перспективы становилось одновременно и страшно, и невыносимо любопытно.

«А если там ответы? – внутренний голос звучал настойчиво. – Если там то, что поможет понять, кто я, откуда, почему всё сложилось именно так?»

Но другой голос, тише, но твёрже, возражал: «А готова ли ты принять эти ответы? Готова ли увидеть то, что может разрушить последние иллюзии?»

Она осторожно подняла тетрадь, словно та могла укусить её. Медленно, почти нежно, положила её обратно на дно сундука. Сверху, словно укутывая спящего ребёнка, прикрыла старым шерстяным пледиком. Сундук тихо щёлкнул, закрываясь. Этот звук эхом отозвался в тишине дома. Кристина выпрямилась, провела рукой по лицу, смахивая невидимые слёзы. За окном медленно опускались сумерки, и первые снежинки закружились в воздухе, оседая на стекле причудливыми узорами.

«Это лишь отсрочка, – подумала она. – Временное перемирие с самой собой».

Дневник будет ждать. Как терпеливо ждал все эти долгие годы. Как ждал её возвращения этот молчаливый дом. Как ждала её мама – даже когда она не звонила, не приезжала, бежала прочь...

Глава 7

Алёна часто приходила в гости к Кристине, и каждый её визит превращался в маленький праздник. Подруга появлялась на пороге с пластиковым контейнером в руках, заботливо завёрнутым в неизменный пуховый платок.

Внутри скрывались целые пиры: сочные пироги с капустой или мясом, ароматная лазанья, румяные пирожки и стопки блинов, щедро пропитанных маслом и посыпанных хрустящим сахаром. Запах свежей выпечки разносился по дому. Алёна обожала готовить с раннего детства, это был её способ выражать заботу, а Кристина была только рада этому кулинарному нашествию. Ей больше не приходилось ломать голову над тем, что приготовить на ужин.

В этот вечер Алёна пришла со сладким пирогом и отбивными с картошкой, а за ужином с энтузиазмом поддержала идею подруги, чтобы съездить в ближайший город за новыми вещами, которые должны были добавить в доме немного уюта. И полезные покупки совершат, и на людей посмотрят, и себя покажут.

Дорога до трассы оказалась суровым испытанием. Узкая, местами заметенная снегом, она извивалась между заснеженных полей, словно тропа для внедорожников. Машина то и дело проваливалась в скрытые под снегом ямы и подпрыгивала на ухабах. Но подруги не повернули назад. Они проехали расстояние от посёлка до асфальта громко и душевно матерясь на чём свет стоит, смеясь сквозь зубы и подбадривая друг друга. Впечатлительная Алёна то и дело вскрикивала и хваталась за сердце, её глаза расширились от страха, а руки судорожно вцеплялись в ручку над дверью при очередном заносе.

Кристина же, стиснув зубы, уверенно вела машину дальше. Её лицо оставалось спокойным, но по белым, плотно сжатым губам можно было понять: ей тоже до смерти страшно. Она просто не показывала этого, не хотела поддаваться панике, не хотела, чтобы Алёна почувствовала её слабость.

«Ещё немного, – мысленно уговаривала она себя. – Ещё пара километров – и будет асфальт».

Город встретил их суетой и хаосом. Многолюдные улицы, вечная спешка, плотный поток машин и галдящие прохожие: всё это высасывало из Кристины силы, будто огромный невидимый насос. Она шла между витрин, чувствуя, как нарастает усталость, как давит на плечи шум и суета.

Но были и другие моменты: тихие, тёплые, наполненные смыслом. Например, когда она с сосредоточенностью выбирала новые занавески для гостиной: перебирала ткани, щупала их, представляла, как они будут смотреться на окнах. Или когда нашла яркие покрывала для кроватей, сочные, жизнерадостные, обещающие уют. А ещё, дурацкие, но милые подставки под горячее, крошечные декоративные подушки, вазочки... Мелочи, которые превращают просто дом в уютное пристанище, куда хочется возвращаться.

В эти мгновения Кристина чувствовала, как внутри разгорается слабый, но тёплый огонёк. «Вот оно, – думала она. – Вот то, ради чего стоит стараться».

Обратный путь обещал быть легче, но не тут-то было. Машина внезапно уткнулась в коварный переём. Колёса беспомощно закрутились, выбрасывая из-под себя рыхлый снег, а машина лишь глубже зарывалась в сугроб.

– Ну вот, – выдохнула Кристина, выключая двигатель. – Приехали. Кажется, пойдём пешком..

Алёна, не раздумывая, вылезла из машины. В своём ярко-красном пуховике она выглядела как одинокий маяк посреди белого безмолвия. Она встала сзади, упёрлась руками в багажник, напрягая мышцы.

– Давай, давай, Крис, газку! – крикнула она, стараясь перекрыть шум поднявшегося ветра.

Кристина, собрав всю волю в кулак, завела машину и резко нажала на газ. Колёса с визгом выбросили из-под себя фонтан рыхлого снега, и тот накрыл с головой её верную подругу.

– Ааа! Ты что, сбрендила?! – завопила Алёна, отряхиваясь, как мокрая кошка. Её рыжие кудри были полностью залеплены белым, а лицо покраснело от холода и возмущения. – Я же тут, как лошадь, впряглась, а ты меня сейчас консервировать будешь?!

– Сама виновата! Не надо под колесом водительницы, которая долго за рулём не была, стоять! – крикнула в ответ Кристина, не в силах сдержать смех при виде этого белоснежного привидения.

Они смеялись, задыхаясь от холода и веселья, когда заметили, что за ними, неспешно притормозив, остановился уазик. Из машины молча вышел Иван. Не говоря ни слова, он достал трос, ловко зацепил его за бампер Кристининой машины, пару раз подгазовав, вырвал её из снежного плена.

Кристина и Алёна, ещё смеясь, бросились к нему с благодарностями:

– Спасибо вам огромное!

– Без вас мы тут до ночи бы копали!

Иван лишь пожал плечами и буркнул:

– Всё в одном месте живём, друг другу помогать надо, – сел в свой уазик и укатил, оставив за собой лишь облачко выхлопных газов.

Подруги смотрели вслед удаляющемуся автомобилю, и в душе у Кристины разливалось странное тепло. Не только от того, что они наконец-то выбрались из сугроба, но и от этих простых, искренних слов: «Всё в одном месте живём...»

Она повернулась к Алёне, та всё ещё отряхивала снег с волос, но уже улыбалась.

– Ну что, домой? – спросила Кристина.

– Домой, – кивнула Алёна. – И знаешь что? Больше мы на твоей забугорской колымаге до лета никуда не поедём!

Спустя пару дней после поездки Алёна пришла в гости. Она переступила порог, замерла на миг и ахнула, обводя взглядом преобразившуюся кухню и гостиную.

Новые шторы в нежных пастельных тонах мягко струились по окну, покрывала с геометрическим узором добавляли уюта дивану и креслам, а на полках и столиках пристроились милые безделушки: керамические фигурки, плетёные корзинки, маленькие вазочки с сухоцветами. Всё это словно вдохнуло в дом новую жизнь, наполнило его теплом и уютом.

Но сама Кристина, несмотря на обновлённый быт, выглядела поникшей. Она сидела у окна, обхватив руками чашку с остывшим чаем, и смотрела куда-то вдаль, за заснеженные поля. Её плечи были опущены, а в глазах читалась тоска.

– Чего ты впадаешь в тоску? – Алёна шагнула вперёд, её голос звучал бодро, почти вызывающе. – У тебя же в погребе, я уверена, мамин сидр стоит! Давай-ка оживим тебя! И новоселье надо же справить!

Не дожидаясь возражений, она решительно направилась к люку в полу. Её движения были порывистыми, полными энергии, словно она хотела одним махом развеять мрачное настроение подруги.

Кристина хотела возразить. Хотела сказать, что погреб, наверное, давно непригоден, а сидр, если и есть, за столько лет наверняка превратился в уксус. Но Алёну, ведомую энтузиазмом, было не остановить.

С силой дёрнув за железное кольцо, девушка заставила деревянную крышку поддаться. Та открылась с жалобным скрипом, обнажив чёрный, зияющий провал. Из темноты потянуло сыростью, запахом земли и плесени, а ещё, чем-то терпко-кислым, едва уловимым, но пробуждающим воспоминания.

Кристина подошла ближе, дрожащим лучом фонарика освещая подруге путь. Свет выхватывал из темноты ступени, покрытые паутиной и пылью.

– Вот! – торжествуя крикнула Алёна, спустившись с последней скрипучей ступеньки. – Я же говорила!

Она вынырнула на свет, держа в каждой руке по пыльному, закопчённому бутылку с мутноватой жидкостью золотистого оттенка. Её рыжая шевелюра была украшена кружевами паутины, а на щеке красовалась тёмная полоска земли. Но лицо сияло, как у ребёнка, нашедшего сокровище.

– Наше детство, Крис! Помнишь, твоя мама давала нам по глоточку на праздники?

Кристина невольно улыбнулась, глядя на подругу. Воспоминания нахлынули волной: тёплый зимний вечер, запах пирогов, мамин смех... Тогда всё казалось таким простым и счастливым.

– Помню, – тихо ответила она, и в голосе прозвучала нотка нежности, смешанной с грустью. – Но вдруг он испортился?

– А вдруг нет? – Алёна встряхнула бутылки, и жидкость внутри заиграла золотистыми бликами. – Давай проверим! Не пойдём же мы к Патрикеевне за самогоном. Никонорыч после её пошла к праотцам отправился. Кто знает чего она туда мешает...

Они уселись на кухне. Стол, накрытый с лихорадочной поспешностью, выглядел пёстро и даже немного диковато: солёное сало с розоватыми прожилками, румяная колбасная нарезка, ломтики сыра с дырками-глазками, красные яблоки и виноград.

Алёна с энергией истинной хозяйки протёрла бутылки от многолетней пыли, нашла в шкафу две старых гранёных стопки: когда она поставила их на стол, они прозвенели, словно хрустальные колокольчики.

– Ну что, приступим? – Алёна подняла свою стопку, глаза блестят, на губах озорная улыбка.

Кристина кивнула, сжимая в пальцах прохладное стекло. На всякий случай подруги перекрестились и только потом опрокинули рюмки. Первый глоток сидра оказался обманчиво мягким, сладковатым. Но уже через мгновение по телу медленно разлилось согревающее тепло, а за ним пришла нахальная, игривая лёгкость, будто невидимые руки разжали тиски, сжимавшие грудь последние недели.

– За твоё возвращение! – протянула Алёна свою рюмку к рюмке подруги. – И чтоб всё плохое осталось в том городе!

– За то, чтобы оно там и сгнило! – с внезапной яростью добавила Кристина и опрокинула стопку.

Вторая бутылка пошла заметно легче. Они сидели за столом, а воспоминания лились рекой, смешиваясь с терпким вкусом яблок. Смешные, о том, как в детстве запутались в простынях, сушившихся в саду, и в ужасе приняли друг друга за привидений. Грустные, о первых предательствах и горьких разочарованиях, о слезах в подушку, о вопросах без ответов.

– А помнишь Кольку-то? – спросила Алёна, покачивая головой. Её рыжие кудри плясали в свете лампы, а в голосе звучала старая, не до конца зажившая обида. – Я ему верила, а он...

Кристина молча кивнула. Она знала эту историю, как и десятки других, похожих. Как и свою.

– А мой Артём... – она сделала ещё глоток, чувствуя, как горечь сидра смешивается с горечью воспоминаний. – Говорил, я его вселенная. А оказалось, что я всего лишь один из спутников на удобной орбите. Нашёл себе звезду покрупнее.

– Чудак! – с чувством заключила Алёна, стуча кулаком по столу. – Все они чудаки! Всё ищут где глубже, да легче...

Она обняла Кристину за плечи, крепко, по-дружески, без лишних слов. Кристина опустила голову ей на плечо, и по щекам потекли горячие, солёные слёзы. Но это были не слёзы отчаяния. Это были слёзы освобождения, от лжи, от необходимости казаться кем-то другим, от бесконечной гонки за призрачным идеалом.

В кухне пахло яблоками, деревом и теплом. За окном тихо падал снег, укрывая мир белым покрывалом, а здесь, за этим столом, время будто остановилось.

– Знаешь, – прошептала Кристина, вытирая лицо ладонью. Её голос дрожал, как лист на ветру. – Я так устала быть сильной. Устала бежать. Такое чувство, будто я бегу от себя же.

– А ты не беги, – Алёна отстранилась и посмотрела ей в глаза. – Оставайся. Здесь мы все немного... с приветом. – Она широко ухмыльнулась, и в этой улыбке было столько жизни, столько тепла, что Кристина невольно улыбнулась в ответ. – И знаешь что? Мне это нравится.

Они сидели так ещё долго, допивая мамин сидр, смеясь сквозь слёзы, выкрикивая тосты за всё плохое, что осталось в прошлом. Тосты были нелепые, но от этого ещё более настоящие:

– За сломанные каблуки и разбитые сердца!

– За глупые мечты и верных подруг!

Дом впервые за долгое время наполнился не призраками и страхами, а самой что ни на есть жизнью: громкой, неидеальной, но настоящей. Смех эхом разносился по комнатам, отражался от стен, будто пробуждая их от долгого сна.

Глава 8

Опьянение, крепкое и сладкое, как сам сидр, окутало подруг плотным, тёплым облаком. Мир поплыл перед глазами, краски стали ярче, звуки звонче, а все запреты, все «нельзя» и «не стоит» растворились в терпком яблочном духе, заполнившем кухню.

Алёна вдруг вскочила, опрокинув стопку, та с тихим звоном покатила по столу. Глаза её блеснули озорным, по-настоящему опасным огоньком, губы дрожали от сдерживаемого смеха и какого-то дикого, необузданного азарта.

– А знаешь, чего не хватает для полного счастья? – выпалила она, ткнув пальцем в воздух. – Мести! Надо бы стёкла моему бывшему побить! Этому, стервецу такому!

Кристина замерла. Голова шла кругом, в груди бушевала гремучая смесь накопленного гнева и сидровой эйфории. Сначала она опешила, не веря своим ушам.

– Ты с ума сошла?! – выдохнула она, пытаясь собраться с мыслями.

– Ага! – радостно, почти ликующе призналась Алёна. Её лицо озарилось радостью. – Схожу! И ты со мной! Давай, Крис, один раз живём! Он ведь заслужил! Слабо, что ли?

Кристина смотрела на подругу, на её раскрасневшееся лицо, горящие глаза, на то, как она сжимает кулаки в порыве праведного гнева, и вдруг почувствовала, как внутри что-то ломается. Идея, дикая и неподобающая, вдруг показалась не просто логичной, а единственно верной.

«Это не вандализм, – пронеслось у неё в голове. – Это акт освобождения. Сакральный ритуал. Мощный выплеск всей боли, обид и разочарований, которые мы обе так долго и молча носили в себе, как занозы».

– Да пофиг! – с вызовом крикнула Кристина, поднимаясь. Пол словно ушёл из-под ног, но она упрямо выпрямилась, сжимая кулаки. – Заслужил!

В мыслях она с наслаждением представляла, как с тем же звоном бьёт стёкла не Алёному бывшему, а своему, Артёму. В его панорамные окна с видом на город. Как осколки летят во все стороны, как рассыпается на части его безупречный фасад, его кровать, его «я тебя люблю, но...».

Они, пошатываясь и цепляясь за косяки, натянули куртки. Движения были порывистыми, неловкими, пальцы не слушались, пуговицы не попадали в петли, шнурки путались. Но это лишь усиливало ощущение безудержного, пьяного веселья.

Наконец, вывалились на улицу. Колючий морозный воздух ударил по разгорячённым лицам, обжёг лёгкие, заставил на миг замереть. Но не смог охладить их пьяного, безрассудного пыла.

– Идём! – скомандовала Алёна, хватая Кристину за рукав. Её голос звучал уверенно, почти торжественно, будто она вела подругу не к дому бывшего, а к месту древнего ритуала.

Подруги шли по заснеженной улице, пошатываясь и громко хохоча над собственными шутками, которые в их опьяневшем сознании казались верхом остроумия. Их гулкий, неприличный, почти вызывающий смех, разрывал хрустальную тишину спящей деревни. Он эхом отдавался от заснеженных крыш, пугал притихших на ночь птиц и будто бросал вызов всему этому мирному, сонному укладу.

Луна висела в небе, как огромный серебристый шар, заливая всё холодным светом. Снег под ногами хрустел, словно кто-то ломал сотни хрупких стеклянных палочек. В воздухе пахло морозом, дымом из труб и... свободой.

– Вот тебе, чудак! – с внезапной ненавистью прошипела Алёна, наклонившись и подбрав из сугроба несколько смерзшихся, обледеневших, как камень, снежных комьев. Её глаза сверкали в лунном свете, а на губах играла безумная улыбка. – Держи!

Первый комок, брошенный её нетвёрдой рукой, с глухим стуком ударил в стену, даже не долетев до заветного окна. Алёна разочарованно фыркнула, но тут же рассмеялась:

– Ну ничего, сейчас попадём!

Кристина, до этого момента лишь наблюдавшая за подругой с лёгкой усмешкой, вдруг почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло. Адреналин ударил в голову, затмевая остатки трезвого рассудка. Она подняла с земли плотный, идеально круглый снежок, будто сама природа создала его для этого момента.

– А ну-ка, дай-ка мне, – хрипло сказала она, выхватывая снаряд из рук Алёны.

Размахнулась. Прицелилась. Бросок.

Снежок угодил точно в цель. Оглушительный звон бьющегося окна прозвучали в ночи, как выстрел. Звук разнёсся по улице, отразился от домов, разбудил спящих собак, и тут же утонул в истеричном, нервном, громком хохоте двух подруг.

Они стояли, согнувшись пополам от смеха, выкрикивая в темноту самые обидные и нелепые обзывательства, что приходили на ум:

– Получи, чудачелло!

– Вот тебе за все твои «я перезвоню»!

– И за «это не ты, это обстоятельства»!

Их триумф был недолгим. В доме зажегся свет, и в ночную тишь врзался сердитый, сонный окрик:

– Вы что тут творите?!

Подруги переглянулись и как ошпаренные бросились наутёк. Они неслись по сугробам, спотыкаясь, падая, давясь смехом и наворачивая слезы одновременно. Снег летел из-под ног, ветер свистел в ушах, а где-то сзади слышались приглушённые ругательства и топот.

– Ой, мамочки! – вскрикивала Алёна, едва удерживаясь на ногах. – Он нас догонит!

– Да куда ему! – задыхаясь от смеха и бега, отвечала Кристина. – Он же в халате!

Они бежали, пока лёгкие не начали гореть, а ноги подкашиваться. Остановились только за поворотом, прижавшись к забору, тяжело дыша и всё ещё хихикая.

– Ну что, – выдохнула Алёна, вытирая слёзы, – это было... эпично.

– Безумие, – согласилась Кристина, пытаясь унять дрожь в коленях. – Но какое-то... очищающее.

Отдышаться и прийти в себя они решили у Алёны. Благо, дома у неё стояло домашнее вино, а обмыть такое «дело» было просто необходимо.

На кухне, при свете лампы, они сидели за столом, всё ещё взбудораженные, с покрасневшими лицами и блестящими глазами. Вино лилось рекой, они пили уже без разбора, запивая им и остатки сидра, и свою дикую выходку.

– Представляешь, – хохотала Алёна, размахивая бокалом, – он выскочил в халате, а на ноге один тапок! Второй, видимо, потерял по дороге.

– А лицо! – подхватила Кристина, едва не падая со стула от смеха. – Такое, будто он увидел не нас, а самого дьявола во плоти!

Они смеялись до слёз и до боли в животе, вспоминая испуганное лицо Николая, его нелепый вид, его беспомощные попытки их догнать. В какой-то момент Кристина, уже изрядно захмелевшая, сказала:

– Знаешь, а я ведь даже не помню, когда последний раз так смеялась.

– Потому что жизнь слишком серьёзная штука, – философски заметила Алёна, разливая остатки вина. – А мы должны иногда напоминать себе, что можно просто... дурачиться.

Они подняли бокалы, не за любовь, не за успех, а за этот безумный, нелепый, но такой живой момент. За то, что они есть друг у друга. За то, что могут позволить себе быть глупыми, смешными и свободными.

Позже, когда вино закончилось, а смех утих, Кристина попыталась встать. Ноги не слушались, голова кружилась, но внутри было легко, как никогда. Она попрощалась с Алёной, пообещав зайти завтра «чтобы обсудить стратегию следующей диверсии».

Путь до дома превратился в череду обрывочных воспоминаний: холодная луна над головой, шатающаяся походка, хруст снега под ногами. В какой-то момент она остановилась, подняла голову к небу и улыбнулась.

Она дошла до дома, упала на кровать и тут же уснула с улыбкой на лице и с ощущением, что завтра будет новый день. И, возможно, он будет лучше.

На следующее утро Кристина проснулась от тупой, настойчивой боли в висках. Она приоткрыла глаза, в щель между занавесками пробивался бледный зимний свет. В доме царил беспорядок: остатки вчерашней трапезы на столе, перевернутый стакан, скомканная шаль, брошенная на спинку стула.

И тут на неё обрушилось воспоминание. Всё было на самом деле. Мы действительно это сделали.

Стыд накрыл её с такой всеокрушающей силой, что захотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, раствориться. Голова раскалывалась на тысячи болезненных осколков, но физическая боль была ничтожна по сравнению с давящим, удушающим грузом морального падения. Что я натворила? Как теперь смотреть людям в глаза?

В дверь постучали. Негромко, но настойчиво, без всяких сомнений в том, что дома кто-то есть. Кристина медленно натянула халат и, едва переставляя ноги, подошла к двери. На пороге стоял участковый, Сергей Иванович, немолодой, усталый мужчина с густой проседью в коротко стриженных волосах. Его лицо было будто высечено из дерева: резкие черты, глубоко посаженные глаза, жёсткая линия рта. Но в глазах читалась не злоба, а глубокая, профессиональная усталость, словно он видел уже тысячу таких историй и знал: за каждой глупостью стоит чья-то боль.

– Кристина Владимировна? – вежливо, без угрозы в голосе спросил он. – Можно на минуту?

Она молча, не в силах вымолвить и слова, впустила его в дом, внутренне уже готовясь к наручникам и суровому приговору. В голове кружилось: Сейчас начнёт читать нотации. Или сразу протокол составит. А потом – штраф, позор, разговоры за спиной...

Участковый вошёл, окинул взглядом беспорядок, но не поморщился, не бросил осуждающего взгляда. Просто вздохнул, тихо, почти незаметно.

– Я без обвиняемых, по-простому буду, – он не стал тянуть. – Поступила жалоба. От бывшего парня подружки вашей... Ночью окно ему разбили...

Кристина опустила голову, чувствуя, как горит лицо. Хоть бы пол проглотил меня прямо сейчас...

– Я... это мы... – начала она, пытаясь найти оправдание, но он поднял руку, останавливая её.

– Знаю, что вы. Алёна у меня уже с повинной была.

Он сделал паузу:

– Девчонки, – он тяжело, с отеческой грустью вздохнул. – Понимаю, обиды есть. Жизнь, она сложная. Но законы тут тоже есть, не смотрите, что деревня... Николай говорит, если стекло вставьте и извинитесь, дело забудет. Он, в общем-то, не злой. Глупый, да. Не первый год на их танцы смотрю. То он ей дверь углём обмажет, то она вот стёкла побила... До этого он её нового ухажёра кочергой по хребтине...

В его голосе прозвучала не осуждающая, а почти ироничная нотка, будто он рассказывал не о реальных происшествиях, а о сценках из деревенского театра. Участковый внимательно

посмотрел на Кристину: на следы вчерашнего пиршества на столе, на её помятое, полное стыда лицо, на дрожащие пальцы, сжимающие край халата.

– Вы, я смотрю, входите в колею нашу. С веником на детей, с булыжниками на окна... – в его глазах на мгновение мелькнула житейски-усмешливая искорка. – Осторожнее, Кристина Владимировна. У нас тут всё на виду. И обиды, и радости. И последствия. Одно другого не отменяет.

Он развернулся и ушёл, тихо прикрыв за собой дверь.

Кристина осталась стоять посреди комнаты, чувствуя, будто её высекли розгами. Но в его словах не было ни капли злобы. Была простая, неумолимая констатация факта: ты теперь здесь, часть этого мира, и за каждый свой поступок, хороший или плохой, придётся отвечать не перед безликим городским законом, а перед соседями, чьи окна и чьи жизни выходят прямо на твои.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.